

Глава 9

Перспективы российской государственности (национально-территориальный аспект)

Для нас, российских граждан, остро стоит вопрос о месте и роли России в мировом сообществе, особенно после тех судьбоносных для нее сдвигов в раскладе геополитических сил, которые произошли за последние годы. Само географическое месторасположение России на бескрайних просторах евразийского континента на стыке различных цивилизаций, культур, стран и народов, грандиозность ее пространств и исходящие от нее силы притяжения и отталкивания, потенциальные последствия для геополитических контуров современного мира ставят множество императивных вопросов. Что есть Россия — просто один из нормальных членов мирового сообщества? Особое жизненное пространство, расположенное на стыке Востока и Запада и принадлежащее им обоим? Мир миров? Особая цивилизация в ряду других равновеликих цивилизаций? Перечень вопросов можно продолжить. Сложность и парадоксальность положения состоят в том, что и положительные, и отрицательные ответы на все эти вопросы можно воспринимать как верные и неверные одновременно. Очевидно, что это сложные вопросы и поиски ответов на них представляют собой большую и многоплановую проблему, требующую самостоятельного исследования.

9.1. Россия в реальностях распада СССР

Россия оказалась в эпицентре глобальных масштабов перемен и стала крупнейшей зоной нестабильности. Переживаемые ею кардинальные изменения, несомненно, потребуют от нее концентрации поистине титанических усилий, которые не могут не блокировать, во всяком случае ослабить ее активность на мировой арене, заставить ее де-факто, если не де-юре, сократить свой внешнеполитические обязательства. Тем не менее при всех трудностях и пертурбациях, переживаемых Россией, нельзя сказать, что для нее уже наступил вечер. Глубоко заблуждаются те, кто отводит России место и роль чуть ли не на обочине мировой политики, считая, что она скатывается на уровень второразрядного или даже третьеразрядного государства (нередко о ней говорят и как о "стране третьего мира"). Нельзя согласиться и с теми авторами, которые отводят России статус своего рода "естественного путепровода" для торгово-экономических и транспортных потоков между Европой, Азией и Африкой, некоего "моста", служащего в качестве самого короткого торгового пути между Азией и Европой. Один автор писал: «Хотим мы того или нет, но Россия вновь становится форпостом христианского мира, выдвинутым в огромный мир Ислама, от отношений с которым во многом зависит спокойствие, стабильность, а в будущем, возможно, и благосостояние России».

Совершенно непонятно, почему, на каком основании Россия может и должна стать неким "форпостом христианского мира" только в исламском мире. А как же тогда с буддийским, индуистским, синтоистским или восточноазиатским, южноазиатским мирами, которые не менее обширны, чем мусульманский мир? Почему именно мост, форпост или что-нибудь иное в таком же роде, а не самостоятельное геополитическое пространство со своими специфическими интересами, реализующимися по всем азимутам на всех направлениях сжавшейся до единого пространства планеты? В то же время Россия не может быть "мостом" между Западом и Востоком в традиционном понимании этого слова просто потому, что синтез евро-американской, азиатской и ближневосточной цивилизаций в ситуации фактической самоизоляции бывшего СССР на началах относительного политико-идеологического, информационно-технологического автаркизма происходил, во многом минуя Россию. Распад СССР привел к грандиозным трансформациям, имеющим всепланетарные последствия. В сложившейся ситуации остается еще окончательно нерешенным вопрос о самоидентификации России. На повестку дня выдвигаются волнующие всех российских граждан вопросы. Насколько реальна возможность распада России? Грозит ли ей участь СССР или еще хуже — участь Югославии? Не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающие ответы на все эти вопросы, затронем лишь один из аспектов (и то в самой общей форме), имеющий в той или иной форме касательство ко всем обозначенным вопросам. Речь идет о территориально-политическом и национально-территориальном устройстве.

Крушение СССР и вызванный им тотальный кризис, несомненно, нанесли мощный удар по самой российской государственности, подорвали привычный порядок, инфраструктуру менталитета, поставили под сомнение саму русскую идею. Россия составляла костяк, становой

хребет советского государства. Но какой Ценой? Ценой принесения в жертву ее коренных интересов почти во всех сферах: экономической, экологической, политической, моральной и т.д. Как правило, подрыв, потеря осевой идеи или осевого идеала, лежащего в основе того или иного сообщества людей, ведет к появлению множества идей, моделей, концепций, не все из которых выдерживают испытание жизнью. Не сумев подтвердить свою жизнеспособность и эффективность, она рано или поздно сходят с исторической сцены.

С утратой и дискредитацией коммунистических идеалов в общественном сознании народов бывшего СССР образовался как бы идейный вакуум. Народы, уже в течение многих поколений испытывавшие чувство внешней и внутренней безопасности, оказались в состоянии неопределенности и растерянности. Они как бы лишились устойчивого якоря. Вполне естественно, что в такой ситуации для них могут быть притягательны различные идеи и проекты национально-государственного устройства, будь то на путях дистанцирования от России или же в ее составе.

Возникает вопрос: насколько реальны перспективы образования на территории России того или иного числа государств на основе национализма, национального самоопределения, действительного, а не декларативного национально-государственного суверенитета? Попытаемся ответить на этот вопрос.

9.2. Проблема самодостаточности России как единого сообщества народов

Строя свои аргументы по сути дела на сугубо социально-экономических или этнонациональных факторах, сторонники тезиса о балканизации и дезинтеграции вольно или невольно примитивизируют государство или государственность. Государство — это такое образование, в котором в различных сочетаниях представлены и теснейшим образом сплетены этнонациональные, социокультурные, национально-исторические, имущественные, гражданские и иные интересы. В действительности же эти факторы не существуют и не могут существовать изолированно, они органически слиты с множеством других. Для формирования национального государства на определенной территории прежде всего необходима самодостаточность в социокультурной, экономической, научно-образовательной и других ключевых сферах, дополняющих и усиливающих друг друга. Граждане любой страны идентифицируют себя не только с определенным территориальным образованием как таковым, но также с ее политической и экономической системами, ценностями и целями, методами и средствами, образом жизни и социокультурными реальностями, историей и национальной судьбой и т.д. Все это в совокупности и обеспечивает чувство самодостаточности.

Непредвзятый, объективный анализ показал, что далеко не все республики, входящие в настоящее время в состав России, имеют такую самодостаточность. Не следует также преуменьшать фактор отсутствия у многих народов или потери ими реального опыта сколько-нибудь продолжительного жизнеустройства в рамках самостоятельного этнонационального государственного образования.

Разумеется, идеи и установки на создание самостоятельных и суверенных этнонациональных и иного рода государственных образований (как, например, Конфедерация горских народов Кавказа) имеют право на существование в качестве идеала, к которому стремились бы все народы. Но предлагая их как руководство к конкретным действиям в нынешней ситуации, важно не путать желаемое с возможным, идеальное с реальным. Дело в том, что рассуждения, например, о некой единой горской нации на Кавказе, восстановлении единства кавказских народов и необходимости создания или даже восстановления единого кавказского национального государства в каких бы то ни было формах (конфедерации, федерации или унитаризма) можно рассматривать только как плод досадного недоразумения. Даже беглый взгляд на историческую панораму региона позволяет убедиться в том, что ни о какой гармонии интересов, ни о каком единстве народов и тем более в рамках единого государства — Кавказа, по крайней мере в течение последних нескольких столетий, говорить не приходится. Более того, эти народы всегда были объектом притязаний со стороны своих более могущественных соседей и нередко служили в качестве разменной монеты в их политических и военно-политических играх. При всех необходимых здесь оговорках нельзя забывать, что единство региона было обеспечено в рамках сначала Российской Империи, а затем СССР. Нисколько не обеляя политику царского правительства, которое заставило десятки и сотни тысяч представителей северокавказских народов переселиться в Турцию и другие страны Ближнего Востока, рискуя полемически заострить проблему, можно сказать, что Российская Империя объективно обеспечила условия для спасения некоторых малых народов Кавказа от физического

исчезновения с лица Земли. Здесь имеется в виду прежде всего прекращение на территории региона непрерывных истребительных войн сопредельных государств, а также непрерывных братоубийственных конфликтов, стычек и войн между народами самого Кавказа.

Нельзя не упомянуть и следующее обстоятельство. Ирония истории состоит в том, что Советский Союз стал жертвой не только своих негативных последствий для нерусских народов, но и собственного позитивного вклада в формирование наций. СССР созданный из отдельных этнополитических образований, неким псевдофедеративным союзом, где, с одной стороны, национальные группы были лишены фактического политического суверенитета, а с другой — им была гарантирована территориальная идентичность, образовательные и культурные институты на собственных национальных языках, а также стимулирование местных кадров. В рамках так называемой политики коренизации для многих народностей, потерявших свою письменность или вообще не имевших ее, были созданы национальные алфавиты, открыты школы. Показательно, что за советский период при господстве интернационалистской идеологии парадоксальным образом произошла демографическая и культурная ренационализация кавказских республик. До октябрьского переворота в Ереване проживали в основном мусульмане, а в Тбилиси и Баку — армяне и русские. К началу перестройки эти три города с демографической точки зрения стали действительными национальными столицами соответствующих республик.

В целом Советский Союз стал не "плавильным котлом", как США, а наоборот, своего рода полигоном для сохранения и дальнейшего развития наций. Здесь шел по сути двуединый процесс, с одной стороны, насильственной модернизации, приведшей к превращению аграрных обществ в аграрно-промышленные и городские, с другой стороны, растущего единства и консолидации титульных наций в союзных республиках.

При всем этом нельзя не отметить, что установка на постепенное исчезновение национального начала входила интегральной частью в социальную, социокультурную и политическую программы советского руководства. Не случайно марксизм рассматривал национальную идею, чувство национальной идентичности и приверженность национальному интересу как главные препятствия на пути социалистического или коммунистического универсализма, пролетарского интернационализма и тоталитарной государственности. В соответствии с этой установкой на месте Российской Империи, в которой при определенных условиях вызревали предпосылки для формирования единой российской нации, было создано по сути дела наднациональное, а во многих своих аспектах антинациональное классовое государство. Это вытекало из марксистской позиции, сформулированной еще в "Манифесте коммунистической партии". Согласно этой позиции, национальное государство — это прежде всего изобретение буржуазии, а у пролетариев нет и не может быть родины. Предполагалось, что с победой рабочего класса и утверждением социалистического общества должны исчезнуть не только буржуазное государство, но понятия отечества и родины.

Нередко такое развитие событий рассматривалось как результат объективных законов экономического развития. Любопытна с этой точки зрения позиция Г.В.Плеханова, сформулированная в 1905 г. [56, с. 93]:

Повторяю, отечество есть категория историческая, т.е. преходящая по своему существу. Как идея племени сменилась идеей отечества, сначала ограниченного пределами городской общины, а потом расширившегося до нынешних национальных пределов, так и идея отечества должна отступить перед несравненно более широкой идеей человечества. За это ручается та самая сила, благодаря которой образовалась патриотическая идея: сила экономического развития.

Симптоматично, что в 20-е — 30-е годы подобная точка зрения пользовалась определенной популярностью среди части представителей русского зарубежья. Полагая, что замкнутая национальная жизнь продемонстрировала "мучительное несоответствие требованиям современности", они считали, что в начале XX в. в мире окончательно победила историческая тенденция продвижения всех стран и народов к "эпохе одной универсальной культуры".

Выражая эту точку зрения, А.С.Яценко, например, призывал русскую интеллигенцию отказаться от "эгоистически-национального начала" в пользу "универсализма и космополитизма", "отказаться от отечества во имя интересов человечества" [82, с. 2—5].

Несостоятельность утопических надежд большевиков на мировую коммунистическую революцию превратила в несбыточную мечту и установки на создание всемирного бесклассового общества без государства. Что касается советского государства, то здесь все нации и народности, республики и автономии, края и области действительно оказались равны в своем национальном и человеческом бесправии. Но при всей обоснованности сказанного необходимо признать, что союзные республики пользовались значительной степенью культурной и политической автономии. К началу перестройки эти республики управлялись

влиятельными национальными номенклатурами, кланами, группировками и даже мафиями, что способствовало подъему местных национализмов и теневой экономики. При этом этнические меньшинства в ряде республик, особенно в закавказских, подвергались ассимиляции (зачастую принудительной, как это было, например, в Азербайджане), все возрастающей маргинализации и нации со стороны титульных наций. Показательно, что наиболее жесткая дискриминация в политике по отношению к языкам целых народов проводилась не в РСФСР в пользу русского языка а в союзных республиках в пользу языков титульной нации (например, в Грузии не допускалась письменность на мегрельском и сванском языках, в Азербайджане — на талышском, курдском лезгинском, в Таджикистане — на ягнобском и большинстве памирских языков и т.д.).

Поэтому неудивительно, что во многих республиках национальные движения нетитульных народов имели не антирусскую направленность, они начались как конфликты национальных меньшинств против титульных наций: армян против азербайджанцев в Карабахе, абхазцев против грузин, осетин против грузин и т.д. Перечень этих и других потенциальных конфликтов уже сам по себе указывает, что муссирующиеся ныне идеи об "общекавказском доме", кавказском или панкавказском союзе, призванных, по мнению некоторых приверженцев идеи конфедерации горских народов Кавказа, уберечь народы региона от "имперских притязаний" России, можно было бы расценивать как благородные по замыслу и намерениям, но, очевидно, весьма труднореализуемые на практике.

Разумеется, нельзя отрицать существование определенных антирусских настроений среди отдельных категорий населения северокавказских республик. Как показывают чеченские события, существуют и такие силы, которые выступают за силовое решение проблем национального самоопределения. Все же, если исходить из кавказских реальностей во всей их совокупности, а не руководствоваться абстрактными схемами, то оказывается, что южные осетины видят врага в Грузии и стремятся в Россию, абхазцы видят врага в Грузии и стремятся в Россию, армяне Карабаха видят врага в Азербайджане и не прочь, чтобы Россия выступала по крайней мере в качестве посредника в решении проблемы. Аналогичные противоречия и конфликты имеют место и между различными народами Северного Кавказа в составе Российской Федерации. Раздирающие их экономические и территориальные коллизии: между Чечней и Дагестаном, Чечней и казаками, Ингушетией и Северной Осетией, Осетией и Грузией, лезгинами и Азербайджаном, Абхазией и Грузией и т.д. — по сути дела делают иллюзорными в обозримой перспективе формирование единого, сколько-нибудь жизнеспособного политического или иного государственного образования народов Северного Кавказа вне России и вопреки воле России. Обоснованность этого довода подтвердил как бы неожиданно разгоревшийся осетино-ингушский конфликт, который может служить прецедентом и моделью для возможных в будущем конфликтов между северокавказскими народами, если их сумеют клонить на путь перекройки по своему усмотрению национально-государственных границ. При определенных условиях нельзя исключить обострение лезгинского вопроса, непосредственно затрагивающего Азербайджан и Россию. Таких проблем можно назвать еще.

Поэтому "кавказская война", о возможности которой любят рассуждать некоторые журналисты и представители отдельных национальных движений, может обернуться войной не только и не столько против "общего врага" в лице "Российской Империи", сколько войной всех против всех (по модели Т.Гоббса). Нельзя не отметить, что как раз попытки практически реализовать сепаратистские проекты при определенных условиях могут создать почву для развязывания такой войны. Осетино-ингушский конфликт, в еще большей степени абхазско-грузинская война и война в Чечне продемонстрировали, что в создавшихся условиях попытки разрешения территориальных проблем вооруженным путем не только обречены на неудачу, но и порождают множество еще более сложных проблем и чреваты тяжелейшими последствиями для всех конфликтующих сторон.

Если теоретически допустить возможность "ухода" России с Северного Кавказа, то нетрудно предположить кровавые последствия этого акта для всего региона. Ибо, когда народы в полной мере осознают, что каждому из них суждено жить в собственном, самостоятельном во всех отношениях государстве, территориальный вопрос выдвинется на передний план уже на качественно новом уровне. Именно сильная и процветающая Россия является реальным гарантом их политической и экономической стабильности и безопасности.

Рассуждения о сепаратизме, балканизации, "России регионов" и т.д. строятся по сути дела на упрощенном понимании государства, особенно российского, как некоего механического лоскутного образования, которое можно как угодно перелатать, перестроить, разобрать по частям или просто аннулировать. Касаясь вопроса о возможностях и перспективах сепаратизма и формирования новых государственных структур вне России и вопреки воле России, нужно

отметить, что в настоящее время не существует сколько-нибудь значительных горизонтальных или Вертикальных экономических, социальных, политических или Иных связей между различными народами и республиками России. Получилось так, что каждый отдельный народ и каждая отдельная республика наитеснейшими и неразрывными узами связана с Россией, но не вместе и не в качестве какого-либо единого экономического, политического, культурного или иного комплекса, а каждая в отдельности. При этом следует отметить, каждая отдельная республика в несравненно большей степени заинтересована в своих связях с Россией в целом, чем в сепаратных связях с другими республиками на индивидуальной основе. Особенно важное значение имеет тот факт, что почти все аспекты и стороны жизни подавляющего большинства народов России к настоящему времени подверглись глубокой трансформации на путях секуляризации и модернизации. Были глубоко затронуты не только социальные, экономические и политические структуры, но и сам образ жизни, система ценностей, ориентации и установок, подорваны или совсем разрушены традиционные институты регулирования повседневной жизни людей. К концу XX в. многосторонние связи, интегрально пронизывающие экономические, культурные, образовательные, духовные, политические и иные реальности, стали твердо утвердившимся и необходимым фактором жизни всех без исключения республик и регионов России. Подавляющее большинство народов России бесповоротно освоили и интегрировали важнейшие аспекты и атрибуты общероссийского образа жизни. С этой точки зрения стиль и формы жизни в таких, например, городах, как Казань, Саранск, Ижевск, Владикавказ, Махачкала, мало чем отличаются от стиля и форм жизни в Калуге, Рязани, Воронеже и т.д. Можно сказать, что это сходство продолжает увеличиваться. Например, города Северного Кавказа по сути дела потеряли свой восточный колорит и по внешнему виду стали похожи на типичные современные российские города, скажем, средней полосы. Строящиеся во многих населенных пунктах мечети, культовые и иные сооружения при всей их значимости для возрождения традиционной культуры, верований и т.д. отнюдь не меняют общую картину.

Следует при этом признать, что пренебрежительное отношение к национальным языкам и культурам имело для большинства из них значительные отрицательные последствия. Наблюдающийся в последние годы заметный всплеск интереса к местным языкам, культурам, истории, традициям у всех народов России, возможно, позволит преодолеть эти последствия и не допустить в будущем перекосов в национальной политике. Но нельзя не признать, что подавляющее большинство народов относится к русскому языку не только как к языку межнационального общения. Дело в том, что языковая интернационализация в СССР достигла беспрецедентно высокого уровня. Для большинства городских жителей он стал вторым родным, а для многих и единственным родным языком (независимо от того, какая в этой сфере проводилась политика). Показателен в данном случае пример Украины, самой крупной (после России) республики бывшего СССР. По некоторым данным около 40 % ее жителей, в том числе в 11 крупных городах с численностью населения свыше полумиллиона человек, считают своим родным русский язык. Возможно, что для большинства этих людей (да и не только для них) своими стали многие социокультурные реальности, общие для самого образа жизни людей России, да и всего пространства бывшего СССР. Это в большей степени верно применительно к народам, населяющим национальные республики самой России.

Русский язык, общероссийская культура были и остаются для этих народов и средством, и воротами, и инфраструктурой как для саморазвития, так и для вхождения, интегрирования в мировую цивилизацию, мировую культуру. Более того, реальности таковы, что без русского языка невозможно представить ни одну более или менее важную сферу жизни многих регионов страны. Мало кто сможет отрицать, что местные литература и искусство по сути дела, при всех необходимых здесь оговорках, следуют общероссийским (общесоветским?) нормам и моделям. Можно сказать больше. Фактически в недавнем прошлом (только ли?) национальные литературы большей частью были просто ветвями общей советской социалистической литературы, претендовавшими на отражение всего лучшего и жизнеспособного в национальных культурных традициях. Для некоторых деятелей культуры недостаточно бережливое отношение к национальному языку обернулось потерей способности и навыков мыслить и рассуждать на своем родном языке. По сути создалось такое парадоксальное положение, когда писатель думает по-русски, а на бумаге свою мысль излагает на национальном языке (фактически это перевод).

Для многих народов русский язык стал одной из важнейших несущих конструкций самого образа жизни. Просто трудно себе представить формы и пути перестройки, например, системы образования, начиная со средней школы, а также науки на сугубо национальных началах и на основе национальных языков (если вообще теоретически допустить такую постановку вопроса)

вне российской системы образования и науки. Подобные попытки имели бы катастрофические последствия для системы образования и науки всех без исключения регионов. Сказанное позволяет делать вывод, что проблему тоталитаризма и советской системы не следует смешивать с проблемой российской государственности. Парадоксальность ситуации в том, что здесь не было метрополии и метропольной нации в общепринятом смысле. Таковой выступала по сути дела партия, цепко вросшая в ткань государства и в конечном счете полностью поглотившая его. Что касается России, то она не была метрополией, которая эксплуатировала периферию и за ее счет обеспечила своему населению более высокий уровень жизни. В принципе Россия не имела никаких преимуществ перед другими советскими республиками. Более того, если у других республик были какие-то реальные властные полномочия и статус, то властные структуры РСФСР были призрачными, лишенными реальных полномочий в решении сколько-нибудь значимых проблем. Разумеется, представители различных народов, вовлечены в бурные политические процессы, хотя и остаются и в повседневной жизни ощущать себя татарами, лезгинами, чувашами, осетинами, кабардинцами и т.д. Но это вовсе не значит, что они не желают оставаться гражданами России. Существует целый комплекс фундаментальных, основополагающих интересов и факторов, в равной степени затрагивающих все народы и республики в равной степени объединяющих их. По сравнению с ними все внешние разногласия, противоречия, конфликты являются второстепенными и со временем не могут не отойти на второй план. Россия — это не просто некий искусственный конгломерат территорий, наций, народностей, этносов, это единый нерасчленимый организм с общим для всех его членов жизненным пространством. Народы и территории, вошедшие в состав российского государства на разных этапах его формирования (независимо от того, как это произошло — добровольно или насильственным путем, на основе договорных или иных актов), уже в течение длительного времени являются неразрывными частями единого культурно-исторического и политико-экономического пространства. В этой связи вызывают недоумение рассуждения некоторых радетелей чистоты и неприкосновенности российской государственности о том, что России нужно уходить, например, с Северного Кавказа, отгородиться от мусульманских народов данного региона непреодолимыми пограничными барьерами. Россия просто так не может уйти от самой себя, поскольку Северный Кавказ, равно как Поволжье, Дальний Восток и т.д., является неотъемлемой ее частью. То же самое, естественно, верно и применительно к народам, населяющим эти регионы.

Можно утверждать, что одной из важнейших причин большинства, если не всех, национальных конфликтов, потрясающих в стоящее время нашу страну, является попрание подлинных интересов народов, их ценностей, традиций, обычаев, урезывание их законных прав в самоопределении, решении социальных, экономических, духовных и иных проблем. Это определяет жизненную необходимость сохранения целостности и неделимости Российской Федерации. Однако защиту целостности государства отождествлять с изжившими себя имперскими началами и устремлениями.

9.3. Унитаризм или федерализм?

Каков наиболее перспективный путь территориально-государственного устройства России? В данном контексте на передний план российской политики выдвигается императивный вопрос: как соотносить принцип государственной целостности с устремлением входящих в него народов на самоопределение? Очевидно что перед Россией стоит архисложная задача — сохранить свою целостность, не допуская при этом ущемления интересов республик, автономий, краев и областей. Поэтому все стороны — как центральные власти России в Москве, так и официальные руководители республик и национальных движений — должны демонстрировать максимум терпения и терпимости, здравого смысла, благоразумия и приверженность решать все спорные проблемы политическими методами. При этом встает не менее важный вопрос: каков для России оптимальный путь достижения данной императивной Цели? У этого вопроса много граней и измерений, но в силу российской специфики и при развернувшихся ныне спорах и дискуссиях о перспективах сохранения целостности страны на первый план выдвинулась проблема территориально-государственного устройства.

При анализе перспектив формирования и утверждения новой российской государственности необходимо учесть как достоинства, так и недостатки существующих типов политико-территориального устройства: унитаризма, федерализма и конфедерализма. Как показал советский опыт, унитаризм при всех его преимуществах в решении определенных задач не способен в полной мере учитывать многообразие региональных, национально-культурных,

традиционалистских, социально-экономических, политико-культурных, социально-психологических и других ценностей, что чревато широкомасштабными негативными последствиями для российской государственности. Что касается перспектив конфедеративного устройства, то, как показал исторический опыт, конфедерация бывает двух видов: та, которая терпит неудачу, и та, которая постепенно трансформируется в федерацию.

Очевидно, что для России одинаково неприемлемы как сохранение жесткого унитаризма с характерным для него диктатом центра, так и крен в сторону той или иной формы конфедерации. Для российских реальностей оптимальным представляется путь федеративного устройства государственной системы. Однако при этом следует предостеречь от соблазнов искать простые, универсальные, одинаково пригодные для всех стран и народов решения. Именно такие соблазны просматриваются в позициях тех политиков, которые предлагают безотлагательную унификацию всех субъектов федерации по всем параметрам государственного устройства, не учитывая возможные негативные последствия этого в сущности революционного шага.

Невозможно придумать идеальное устройство государства сконструированное по четко начертанному плану. Жизнь во многих своих аспектах сложна, иррациональна и не во всем поддается рациональному, логическому объяснению. Государство представляет собой форму политической организации общества, сущность которой в каждом конкретном случае определяется духом соответствующего народа, его традициями, историей, культурой и т.д. Поэтому естественно, что Российская Федерация не может не иметь своих особенностей, отличающих ее от государств подобного типа, скажем, США, ФРГ, Индии и т.д.

Вплоть до подписания Федеративного договора и принятия Конституции Российская Федерация строилась по национально-территориальному принципу, в соответствии с которым ее субъектами считались только автономные республики, а также, с теми или иными оговорками, автономные области и национальные округа. Что касается краев и областей, то они являлись просто административно-территориальными единицами и отношения с ними федеральное правительство строило на унитарных началах. С этой точки зрения РСФСР нельзя было назвать федеративной в точном смысле слова, поскольку здесь органически сочетались федеративные и унитарные принципы.

Единая система государственно-административного управления сверху донизу, от Москвы до окраин характеризовалась жесткой унификацией и централизацией, которые практически исключали сколько-нибудь значимое отклонение от стандартной иерархии властных структур, распределения и реализации властных полномочий. С этой точки зрения центр присутствовал во всех структурах и на всех уровнях власти: союзный центр — Москва — в зависимости от ранга повторял себя в столицах республик, автономий, областей, райцентрах, поселковых и сельских советах. Иначе говоря, это было нечто, противоречащее самому себе, — унитарная федерация. Необходимо признать, что немалую роль в нагнетании страстей по данному вопросу играют господствующие ныне терминологическая путаница и беспредел в толковании основополагающих для российской государственности вопросов. Декларируя волю к федерализации, власти тем не менее демонстрируют неспособность и нежелание на практике реализовать федералистские принципы государственного устройства. Часто дилеммы возникают в силу того, что руководители с обеих сторон, как в Москве, так и в республиках, при обсуждении проблем государственного устройства много и пространно рассуждают о федерализме, республиканском суверенитете, самостоятельности и т.д., но на самом деле в большинстве своем придерживаются унитарной, а не федералистской модели государства. Любой шаг со стороны субъектов федерации к самостоятельности в Москве воспринимается как сепаратизм, и, наоборот, любое действие федерального правительства по укреплению вертикальных властных структур в республиках воспринимается как имперское притязание. В этой связи возникает настоятельная необходимость определить, какое именно содержание вкладывается в такие понятия, как суверенитет, независимость, федерация, конфедерация, автономия и т.д. Ведь не секрет, что большинство руководителей национальных движений, выступая за национальный суверенитет своих народов, отнюдь не вынашивают планы выхода из состава Российской Федерации. В подавляющем большинстве случаев речь идет не о сепаратизме, не об отделении от России, а об устройстве и урегулировании отношений с Москвой на действительно федеративных началах.

9.4. От унитаризма к подлинному федерализму

Требую для себя самоопределения, народы бывших автономий добиваются права свободно распоряжаться своей судьбой на собственной территории. Под самоопределением понимается

право каждого народа жить по собственным законам под управлением избранных им самим властных структур, распоряжаться своей судьбой по своему усмотрению, при этом не нанося ущерба свободе и законным интересам других народов. Лишенная национального своеобразия страна может лишиться и отведенного ей места в Мировом сообществе. И.Ильин справедливо настаивал на том, что истинное духовное достижение всегда национально. Родина есть та вершина, с которой человеку может открыться общечеловеческое братство. С этой точки зрения у каждого народа свой национализм, противопоставляемый тоталитарному космополитизму, или, вернее, метанационализму. Территория федерации есть совокупность территорий составляющих ее автономных образований, краев и областей. Если скоро за автономиями или иными субъектами федерации признается статус государственности, то неизбежно возникает вопрос об их суверенитете. Этот вопрос подробно был рассмотрен выше. Здесь отметим лишь, что существующие ныне туманные и упрощенные трактовки идеи национального суверенитета нуждаются в коррективах. Требуя безоговорочной и полномасштабной реализации права наций на самоопределение, руководители отдельных национальных движений, мягко говоря, недооценивают тот факт, что специфика формирования и эволюции российской государственности требует специфического понимания суверенитета и самоопределения тех народов и республик, которые в течение многих поколений и даже веков совместно живут в рамках этой государственности.

Конец XIX — начало XX в. прошли под знаком национализма, национально-освободительных движений и создания ряда национальных государств. Сначала объединение Италии и Германии, затем первая мировая война, приведшая к распаду империи Габсбургов и образованию на ее развалинах целого ряда национальных государств (или государств из нескольких близких друг другу народов): Венгрии, Австрии, Чехословакии, Югославии. По логике вещей аналогичная судьба рано или поздно должна была постигнуть и Российскую Империю. Но здесь процесс оказался во многом прерванным. Примирившись с потерей Финляндии, Польши и прибалтийских государств, пришедшие к власти в результате октябрьского переворота большевики сумели остановить процесс национального самоопределения, загнать его вглубь. Более того, создав невероятную чересполосицу при проведении административных границ, большевики по сути дела посеяли семена большинства нынешних национально-территориальных конфликтов.

Но при этом необходимо учесть, что за прошедшие семь с лишним десятилетий на огромных просторах бывшей Российской Империи была создана качественно новая национально-территориальная, демографическая, географическо-топографическая, политическая, государственно-административная и т.д. ситуация. В результате коренным образом изменилось положение всех без исключения национально-территориальных государственных образований в отношении России, изменился образ жизни людей, их менталитет и т.д. Поэтому естественно, что совершенно в новом свете предстают традиционные категории и понятия национального суверенитета, самоопределения, независимости и т.д. Со всей очевидностью обнаруживается, что, например, стремление к национально-государственной самостоятельности сразу после октябрьского переворота 1917 г. означало одно, а в нынешних условиях - нечто другое.

В данной связи не лишне напомнить, что при формировании дарственно-административной структуры СССР государственные границы проводились буквально по живому телу этносов. Достаточно оторваться от абстрактных схем и трезво взглянуть на проблему чтобы убедиться в том, что любая попытка установить государственные границы по сугубо национальному принципу может привести к кровавым последствиям, поскольку в создавшихся ныне условиях границы пришлось бы проводить не только по живым телам, но и душам и сердцам многих и многих народов.

На всем необъятном евразийском пространстве бывшего СССР имело место поистине вавилонское смешение народов: 65 млн. человек проживают вне пределов своих национальных образований или своей исторической родины и около 12,5 млн. имеют смешанные семьи. По данным переписи населения 1989 г., в бывших советских республиках вне пределов Российской Федерации проживали приблизительно 25,3. млн русских и более 11 млн представителей других национальностей, считающих русский язык родным. Что касается собственно России, то здесь в настоящее время численность нерусских народов составляет около 27 млн. человек, или 18,5 % всего населения. Из них 4,3 млн составляют украинцы, 1,2. млн белорусы, 636 тыс. казахи, 532 тыс. армяне и т.д., т.е. народы, которые не претендуют на собственную государственность в рамках Российской Федерации.

По данным той же переписи населения, титульные нации во всех автономных республиках России составляли 43 % их совокупного населения, в автономных областях — 22 %, в автономных округах — 10,5%. В 21 автономном образовании русских насчитывалось больше, чем представителей титульной нации. В некоторых из них они составляли треть населения или меньше. В общей сложности численность титульных народов во всех российских республиках составляет всего 10 млн, или 7 % населения России.

И это не все. Если в соответствии с своеобразно толкуемой идеей суверенитета привязать право наций и народностей на самоопределение к конкретным территориальным границам, то тогда непонятно, как быть с представителями титульной нации той или иной республики, проживающими за ее пределами? Нельзя забывать, что миллионы представителей этнонациональных групп проживают на территории России, но вне пределов своих национальных республик. Например, более двух третей татар (а по некоторым данным, даже больше) живут вне Татарстана, в том числе 300 тыс. в Москве. Две трети мордвы также обосновались вне Мордовии. В Башкортостане башкиры по численности занимают третье место после русских и татар.

При таком положении вещей становится очевидным, что любые попытки строить государство вокруг одной национальности, замкнуть государственность на этничности лишены всяких разумных оснований. Те бывшие советские республики, которые по сути дела встали на этот путь, воочию продемонстрировали его трагичность и бесперспективность. Постепенно оправдываются прогнозы тех западных исследователей, которые пришли к выводу, что понятие "государство — нация" уступает место понятию "государство — сообщество".

Государством — сообществом народов является и Российская Федерация. Здесь представлен весь спектр известных к настоящему времени уровней экономического развития — от сугубо аграрного до близкого к постиндустриальному. Основная часть регионов и территорий располагается между этими двумя полюсами, обнаруживая крайнее разнообразие климатических, ресурсных, человеческих и иных факторов. Естественно, что приверженность и податливость экономической, социальной и политической модернизации реформам, переустройству жизни не могут быть одинаковыми на всем евразийском российском пространстве. Но унитаризм как в менталитете многих руководителей, так и в политике официальных структур изживается весьма медленно, трудно и болезненно.

Разрабатывая модель национально-государственного устройства Российской Федерации и корректируя ее в процессе реализации, необходимо постоянно иметь в виду, что любой политической системе интегрально присущи конфликты как интересов, так и основополагающих ценностей. Последние коренятся не только в социально-экономической и политической сферах, они лежат глубже политики и экономики, составляя незримую основу последних. Поэтому очевидно, что в российских реалиях речь может идти как об экономическом и политическом плюрализме» так и о плюрализме социокультурном, конфессиональном, ценностном.

Необходимо осознать реальность пространственного плюрализма и многоукладности жизни, преодолеть страх сепаратизма там, где речь идет о стремлении к утверждению действительно федеративных принципов. Одна из важнейших сущностных характеристик демократии состоит в том, что она провозглашает равенство не только стартовых возможностей, но и способов жизнедеятельности. Поэтому за территориями, регионами, областями, республиками, народами должно быть признано право представительства разных способов человеческой жизнедеятельности. При таком подходе особую актуальность приобретают отношения между различными общинами, городами, регионами, национально-государственными образованиями и федеральным государством, с одной стороны, и гражданским обществом, экономикой и государственными властями на всех уровнях — с другой.

В настоящее время в принципе первый шаг к отказу от унитаризма и переходу к подлинному федерализму сделан — подписан Федеративный договор и принята Конституция Российской Федерации. Теперь необходимо реализовать этот договор. По новому Федеративному договору наряду с республиками в составе России и автономными образованиями статус субъектов федерации получили края, области, Москва и Санкт-Петербург. Приобретая элементы государственности и повысив тем самым свой статус, последние вступают по существу в федеративные отношения с Москвой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Положительным следует считать и тот факт, что Россия объявляется не договорной, а конституционной федерацией, согласно которой распределение властных полномочий целого и его составных частей зафиксировано в Конституции и нигде более. Конституционная федерация не предусматривает права выхода из нее того или иного образования.

Перспективы введения рынка и политической демократии, их жизнеспособность и эффективное функционирование определяются соответствующей системой ценностей, формирующейся в контексте конкретных этнонациональных, культурно-исторических, социокультурных и политико-культурных реальностей и традиций. Очевидно, что в России с ее национальным, религиозным, культурным и т.д. плюрализмом и соответственно плюрализмом Ценностей рыночные отношения и демократия могут утвердиться в разных регионах и республиках по-разному. Можно говорить ° России многообразия и соответственно России "многих скоростей". Поэтому при разработке политической стратегии нельзя забывать о специфических особенностях исторического, национально-этнического, конфессионального, социально-психологического, социокультурного и т.д. характера различных регионов таких, как Сибирь, Урал, Поволжье, Дальний Восток, Северный Кавказ и др.

Возможно, некоторых политиков не оставляет соблазн дистанцироваться от России, ассоциирующейся с имперским прошлым но все же есть некие закономерности и реальности, которые сильнее субъективных желаний и своеволия политиков. Эти реальности таковы, что именно России суждено играть первостепенную геополитическую роль в достижении и обеспечении стабильности во всех регионах бывшего Советского Союза. Есть все основания для вывода о том, что по завершении периода преобладания центробежных тенденций новые государства будут вынуждены искать не то, что их разъединяет, а, наоборот, то, что их соединяет. Уже сейчас во многих бывших союзных республиках начинают сознавать, что в одиночку невозможно выйти из кризиса и встать на рельсы демократического переустройства. Экономические интересы и выгоды все больше сказываются на степени приоритетности политического фактора. Последствия разрыва для новых государств и республик могут быть значительно более негативными, чем для России.

Осознанием этих реальностей во многом определяется и наблюдающаяся в последнее время тенденция к возрождению интереса у большинства новых государств ближнего зарубежья к проблемам интеграции. Это во многом объясняется тем, что Россия за прошедший со времени развала СССР период при всех возможных оговорках продемонстрировала свою способность быть стабилизирующим фактором как в собственных границах, так и в ближнем зарубежье. Подводя итог изложенному выше, можно отметить, что федерация способна быть жизнеспособным и эффективно функционирующим государственным образованием лишь при наличии и соблюдении ряда условий: 1) признание всеми субъектами государственно-территориальной целостности; 2) запрет на односторонний выход того или иного субъекта из федерации либо изменение им своего статуса, поскольку это затрагивает интересы других субъектов; 3) верховенство федеральных законов, их общеобязательность для всех субъектов и их граждан, что в свою очередь предполагает единство основ государственного строя. Субъекты федерации равноправны как между собой, так и перед федеральным правительством. Те законы, которые принимаются на федеральном уровне, одинаково касаются всех субъектов федерации; 4) свободное передвижение людей, товаров, информации и т.д. на всей территории федерации. В этом контексте необходимо всемерно стимулировать примат общенационального, общероссийского, общегосударственного над партикулярными, региональными или иными интересами, связать идею возрождения российской государственности с идеей утверждения прав и свобод личности.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Как вы оцениваете положение России в первые годы после развала СССР?
2. Грозит ли России участь СССР или Югославии?
3. Что вы понимаете под самодостаточностью государства?
4. Может ли в России тоталитаризм стать основой государственной идеологии?
5. Почему Россия является государством — сообществом народов?
6. Как соотносится принцип самоопределения народов с приоритетами единства России?
7. Каков наиболее оптимальный путь территориально-административного устройства России?
8. Что вы понимаете под выражением "Россия многих скоростей"?
9. Каковы условия перехода от унитаризма к подлинному федерализму?
10. При каких условиях обеспечивается жизнеспособность федерации?